

способности страны была государственной тайной. Более того, фактически нельзя было писать о партизанском движении, потерях в годы войны, размерах репараций и т.д. В 1950 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». Была изменена экспозиция в Музее истории Великой Отечественной войны. Неоднократно, по представлению цензоров, изымались экспозиции в краеведческих музеях Витебска, Орши и Лепеля. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о захваченных трофеях вооруженными силами СССР [2, л.60]. В 1951 году после проверки работы Брестского обллита Главлит БССР указывал, что один из цензоров при первичной проверке постоянной краеведческой выставки в Бресте «...оставил много экспонатов, разглашающих государственную тайну, не были сделаны замечания по поводу политически неправильного оформленного раздела «Партизанская борьба» [4, л.49]. Экспозиция была изменена только после вмешательства начальника обллита и представителя Главлита БССР.

Из публикаций в газетах вычеркивались упоминания о количестве партизан, действовавших в Беларуси в годы войны, о Герое Советского Союза, даже если он просто зажигал праздничный пионерский костёр. Как чрезвычайное происшествие обсуждался случай, когда в Оршанской районной газете в ноябре 1950 года была опубликована заметка «Сустрэча са школай», в которой речь шла о студентке Московского химико-технологического института рассказавшей, что после окончания вуза будет работать над дальнейшим изучением секретов атомного ядра. «Таким образом, раскрыт факультет в институте, занимающийся проблемами атомной энергии, чем нарушен параграф «Обязательных правил цензуры» [2, л.53].

В июле 1952 года Президиум Совета Министров СССР подготовил проект постановления об укреплении местных органов цензуры, который предусматривал увеличение штата районных цензоров (в местных органах Главлита), а также введение должности освобожденных цензоров вместо работающих по совместительству. Нагрузка на органы цензуры росла, с мест шли предложения о необходимости увеличить зарплату цензорам в связи с увеличением объёма работы. Высказывались даже мнения о необходимости перевода органов цензуры в ведение МГБ СССР.

Таким образом, документы обллитов являются важным источником по изучению механизма функционирования политической цензуры в СССР, позволяют реконструировать некоторые черты общественно-политической обстановки в стране, и ту атмосферу, в которой проходила жизнь советских людей в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века.

1. Пыжиков, А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. / А.В. Пыжиков, А.А. Данилов. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 2
3. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 1
4. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 3
5. Жданов, А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» / А. Жданов. – Госполитиздат, 1952. – 30 с.
6. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. - 684 с.
7. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 2. - Д. 24
8. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 3. - Д. 1
9. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 2. - Д. 33
10. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 10

Касатая Т.В.

МЕТОД УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ (ЕХБ) В БССР (1950–1980-е гг.)

Наряду с антропологизацией гуманитарных наук появляются новые попытки интерпретации исторической реальности. Всё большую популярность в этом процессе приобретает устная история. Важнейшим преимуществом нового подхода является возможность посмотреть на имеющиеся данные под другим углом, воссоздать первоначальное многообразие точек зрения, наполнить историю жизнью, расширить её масштаб [3, с. 18].

В Советском Союзе, где существовал жёсткий прессинг и подавление всякого рода свободы, верующие боялись говорить и тем более фиксировать свои мысли на бумаге. Евангельские христиане-баптисты оказались в духовной резервации. На вопросы о том, как был организован досуг верующих, как проходили служения в общинах, с какими проблемами сталкивались верующие в повседневной жизни, что помогало им противостоять официальной и господствующей идеологии и т. д. источники фондов архивов не дают полных ответов. Архивные данные, в основном, ограничены законодательными документами, делопроизводства и статистикой. Пробелы в источниках могут быть заполнены интервью с верующими баптистами. Устные источники помогают более полно и разносторонне отразить историческую картину времени, а также представляют собой своеобразные мемуары, которые описывают конкретные судьбы людей, их жизненный опыт. При этом нужно учитывать, что устные материалы выполняют вспомогательные или дополняющие функции, проясняют неточности документов. А их субъективность является не недостатком, а преимуществом. Ведь история – это не только события, структуры или образцы поведения, но и то, как они переживаются и фиксируются в воображении [3, с. 165]. Сопоставление официальных источников с мнениями простых верующих, несомненно, позволяет более реалистично реконструировать повседневную жизнь баптистов, их молитвенные собрания.

В опросник, который был составлен для проведения интервьюирования верующих вошли несколько блоков вопросов: общие сведения о верующем; община и её роль в жизни верующего; взаимодействие с другим религиозными организациями; жизнь верующего в советский период; ЕХБ и современность.

Опросник составлялся исходя из цели и задач исследования: изучить деятельность и жизненный мир ЕХБ в Беларуси (1944 – 1991 гг.); определить причины покаяния и крещения верующих; сравнить повседневную жизнь баптистов сегодня и в советский период; проанализировать отношение верующих к представителям других конфессий, государству, современному общественному развитию.

Вопросы охватывают разные стороны жизни верующих и составлены таким образом, чтобы они ориентировали респондентов на свободные и развёрнутые воспоминания. В результате возможно проанализировать индивидуально пережитые и осмысленные сведения, которые принадлежат не только к объективным анкетным данным о самом верующем, но и к обстоятельствам его участия в богослужениях, особенностям повседневной жизни, личным переживаниям. Например, пресвитер Церкви ЕХБ «Надежда» г. Гродно в своих воспоминаниях о давлении на него со стороны сотрудников КГБ говорит: «Через неделю меня вызвали на вторую встречу с сотрудниками КГБ. Мне было 19 лет (1959 г. р. – Т. К.). Молодой совсем. На меня оказывали давление. Я знал только одно – ни при каких обстоятельствах не должен сотрудничать, не быть Иудой своим братьям и сёстрам. Я сказал твёрдо: «Нет!». Сотрудник КГБ взял меня за подбородок, посмотрел прямо в глаза и сказал: «Я тебя посажу», - «Если это в Вашей власти, то сажайте». У меня были знакомые братья в Минске и в других городах. Я их попросил помолиться за меня. Они меня поддерживали молитвой. Была даже угроза отчисления. В тот момент я готов был оставить учёбу, думаю, родители поняли бы меня. Тогда я понял, что перенёс Христос искушаемый дьяволом в пустыне. Это была борьба. И Христос победил Словом Божиим». Из этих воспоминаний следует, что устная информация имеет два пласта: фактологический материал и эмоционально-субъективный (оценка событий, пожелания, мечты информанта). Для исследователя ценность представляют и тот и другой пласт.

Помимо самих воспоминаний огромную роль в сборе устных источников играет социальное положение верующего, его место в общине. Сравнивая воспоминания пресвитера и рядового верующего можно опередлить их различия. Рядовые верующие, во-первых, очень редко идут на контакт, во-вторых, их воспоминания скупы фактологически. Например, верующий общины ЕХБ г. Гродно Т. на вопрос об инициативном дви-

жении ответил, что слышал о нём, но не знает, какие цели преследовали инициативники (до сих пор между официально зарегистрированным Союзом ЕХБ и бывшими инициативниками отношения остаются напряжёнными – Т.К.). При этом подтвердил, что был знаком с одним из активных верующих-инициативников И.Я. Синкевичем. Ответы на спорные, в некотором смысле щепетильные вопросы были общими, с использованием стандартных высказываний. Это обстоятельство связано как с принципами веры и жизненных позиций ЕХБ («будучи в мире быть не от мира сего»), так и с тем, что рядовые верующие редко интересовались внутрисоюзными проблемами, их жизнь в советский период чаще всего ограничивалась внутриобщинной деятельностью. Сложностью интервьюирования верующих является их всёпоглощающая идея Бога, о себе либо других верующих баптисты говорят неохотно. Что касается воспоминаний пресвитера, то они более насыщены информацией. Хотя на вопросы об отношениях с другими конфессиями, например, пятидесятниками, ответы были сдержанными и односложными (пятидесятники входили в Союз ЕХБ, но это слияние было навязано государственными органами, поэтому ни пятидесятники, ни баптисты не были в восторге от объединения, в результате они стремились к разъединению, а в период общего сосуществования их противоречия приводили к внутрицерковным конфликтам).

Таким образом, использование устной истории в изучении ЕХБ в БССР обусловлено историографической скудностью, преобладанием источников официального характера, общей тенденцией антропологизации истории. Конечно, воспоминания одного верующего не дают оснований для обоснованного обобщения относительно всех общин ЕХБ. Но главной заслугой устной истории заключается в изучении дистанции и связи между индивидуальным опытом и традиционной историографией изложения событий, связанных с деятельностью общин и верующих в советский период, а также информацией официальных источников.

1. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли // Хрестоматия по устной истории. / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб., 2003. С. 46.

2. Томпсон, П. Голос прошлого: Устная история / П. Томпсон; Пер. М. Л. Коробочкин, и др. – М., 2003.

Тимофеев Р.В.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 1980-х гг. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА В БССР

Любое историческое исследование обязательно должно опираться на максимально широкий круг источников, если ставится задача достичь в нём достоверности и доказательности. Если речь касается советского периода белорусской истории, то такую возможность и как раз даёт нам периодическая печать. Наибольшее количество периодических изданий в Советском Союзе и БССР пришлось на 1980-е гг. и во многих из которых регулярно освещались социально-экономические вопросы. В свою очередь вопросы такого типа часто были связаны с развитием белорусского транспорта.

Периодическую печать изучаемого нами периода можно разделить на несколько групп и определить в них состав материалов, которые касались интересующей нас истории белорусского транспорта. Чаще всего читателю в 1980-е гг., а сегодня уже исследователю предлагались материалы о его производственной деятельности. Наиболее ценными здесь являются общесоюзные экономические журналы, такие как «Вопросы экономики» и «Плановое хозяйство», где можно найти обширные аналитические статьи, рассказывающие об итогах развития транспорта, в том числе и белорусского за определённый период времени, чаще всего за пятилетний, а также сведения о предполагаемых перспективах совершенствования его работы. Всё это позволяет узнать о том, что было задумано сделать для развития транспорта и что в итоге было достигнуто. Особую ценность им придаёт то факт, что авторами таких материалов были ведущие специалисты по транспорту в системе управления СССР, таких как его Госплан. Ещё